

«Ваш А. Чехов»

Именно так, просто, без забавных юношеских ухищрений, подписывал свои письма Чехов в последние месяцы жизни. Накануне годовщины его смерти (она приходится на 15 июля по новому стилю) своеобразным посланием от Чехова воспринимается не только вся его жизнь, его сочинения, письма, но и тот опыт постижения его личности и творчества, который накопился в искусстве и науке за последние сто лет. «100 лет после Чехова» — так назвали мы научную конференцию, которая только что завершилась в Ярославском педагогическом университете.

В Таганроге Чехов родился. В Москве жил, в Петербурге, Ялте и на Сахалине бывал, в Мелихове приобрел имение. Из всех городов России, не связанных непосредственно с биографией Чехова, Ярославль — единственный, где в последние годы широко развернулись исследования творчества и жизни Чехова.

Более полугодом назад мы только объявили о замысле конференции, а на идею ее проведения откликнулись совершенно незнакомые (или знакомые только по их публикациям) люди из Екатеринбурга и Красноярска, Петербурга и Москвы, Арзамаса и Твери, Костромы, Вологды и Архангельска, Новгорода Великого и Воронежа, из Болгарии и Канады. Профессора и аспиранты, именитые ученые, такие как историк Художественного театра и чеховед Инна Соловьева, которая занимается всей «нашей» проблематикой больше полувека, а также студенты и даже школьники.

Как было тонко замечено в одном из докладов, в слово «мечтать» Чехов не вкладывал смысл предвкушения того, что осуществляется его фантазии; он скорее «планировал», в лучшем случае «предполагал» что-то. Так вот: Чехов мечтал,

что его произведения, перестав читать еще при его жизни, потом начнут читать вновь и будут делать это долго. Но вряд ли даже при самом хорошем отношении к самому себе он предполагал такой размах и такую стабильность интереса не только к его творчеству, но и к его личности.

Сто лет вопросов, сто лет домыслов, откровений, истолкований, подражаний...

Что есть творчество Чехова: дорогой рояль, который заперли, а ключ потеряли, или скучная история? Кто есть Чехов: певец сумерек или бодрый талант? Многие исследователи пытались объяснить: либо — что не все так просто, либо — что не все так сложно.

Какие только идеи не приписывали Чехову за 100 лет! Рационализм и мистицизм; ужас перед будущим и утопичность; поэтичность восприятия жизни и жесткость ее оценивания; антисемитизм и иудаистские ноты; восторг перед таинством театра и презрение к театральной жизни. Его рассматривали как последнего реалиста XIX века и первого абсурдиста века XX. К этим парам необходимо добавить презрение (нелюбовь) к западным цивилизациям за то, чем не владеет русский, но что — обладай этим русский — уравновесило бы его «азиатчину».

Духовная неуютность чеховской жизни едва ли не пороковым образом связана с положением, определяемым словом «между». Между двумя веками, между двумя профессиями, когда он постоянно извнялся: «Кроме жены-медицины, у меня есть еще литература-любовница, но о ней не упоминаю, ибо незаконно живущие беззаконно и погибнут». Между (что, вероятно, особенно осложняло его взаимоотношения с миром) провинцией и столицей.

Чеховская повседневность воспринимается как драматический спектакль из жизни рус-

ского интеллигента. Ибо именно Чехову мы обязаны пониманием такого русского парадокса, как мотив избранничества и обделенности жизнью. Именно он показал в немыслимом разнообразии характерные для русского интеллигента-провинциала чувство вины, скуку, одиночество, разочарованность и утомляемость с их прямым следствием — «чрезмерной возбудимостью».

«Серый круг» — бытовое явление (когда сползало одеяло и он замерзал, ему снился этот сон) и ключевая метафора чеховского писательского труда. Кошмар его существования, отталкиваемый сознательно и возвращавшийся подсознательно. Странно было бы полагать, что Чехов не искал выхода из «серого круга». Интеллигент (иронист), врач (материалист), он отсекал всякую возможность романтических страданий и романтических мечтаний. Убегая от болезни и душевной пустоты, он, тридцатидвухлетний, уверял, что не бросится, «как Гаршин, в пролет лестницы», но и не станет «обольщать себя надеждами на лучшее будущее».

Через «100 лет после Чехова» все яснее видно, насколько его творчество не агрессивное, не назойливо. Более того, Чехов «стерпит» все. И эксперименты режиссеров или писателей по трансформации его текстов. И школярскую попытку сродни усилиям «человека в футляре» Беликова разложить по полочкам все идеи и художественные приемы классика. Но все эти опыты скажут многое не столько о Чехове, сколько о людях нашего времени.

Чехов понятен — или люди думают, что понятен, — во всех частях света, где ставили его пьесы в театре и кино, где читали его прозу, где обсуждали его личность. Мало, по сути, востребованный при жизни (ибо спектакли Художественного

театра открыли скорее не суть его пьес, а рожденный его пьесами новый тип театрального действия), он был «прочитан» после первых постановок Художественного театра десятками великих режиссеров и актеров.

По ходу конференции, сколько бы ни анализировались художественные создания Чехова, речь то и дело заходила об особенностях его личности, о круге общения, о парадоксах жизни и влияния на множество знакомых и незнакомых людей. Звучали имена знаменитых младших и старших современников, обсуждались английские переводы и французские театральные постановки, по-новому рассматривалось обустройство усадьбы и многочисленные опыты писателей разных эпох по воссозданию чеховского стиля или полемики с ним. Версии, версии.

Вот одна из поистине удивительных, не случайно привлекающая к себе внимание в наш прагматичный век.

Вопреки расхожим представлениям, творчество не было для Чехова естественным способом существования. Без комфортного рабочего места, без уютных Пенат или Ясной Поляны — он привык к писанию-труду, писанию-работе, иногда тягостной, иногда радостной.

Чехов болезненно относился не столько к деньгам как таковым, сколько к проблеме денег. В свое время мои исследования привлекли внимание ученых и просто читателей к тому, что интеллигентный и деликатный, казалось бы, бесплотноый Чехов был буквально заиклен на проблеме денег. Привыкнув измерять написанное строчками газет и журналов, Чехов измерял его также и деньгами, соответствующими этим строчкам. Так, заканчивая длинное душевспасительное письмо брату, подсчитывал он немало по тем временам сумму возможного гонорара: «Накатал

я, однако! Рублей на 20! Более, впрочем...»

И здесь не могу не сказать об одном источнике удивления, который появился в ходе работы ярославской конференции. Вовсе не было странным участие в конференции ректора университета В. В. Афанасьева и декана факультета русской филологии и культуры А. И. Васильевского, коллег из театрального института, представителей Департамента образования и многих средств массовой информации. Удивительным стало то, что у сугубо научной акции, скромной по первоначальному замыслу, но масштабной по его реализации, оказался... спонсор. И для меня, видевшей блестящую работу В. Высоцкого в «Вишневом саде» Театра на Таганке, считающей чеховского Лопухина не разрушителем, а создателем, не понятным и не услышанным в его разумных и заботливых призывах, вдруг оказалось, что Чехов был прав.

«Лопухины-2004» читают и любят Чехова, интересуются движением гуманитарной науки, готовы помочь в проведении встречи ученых и в издании материалов (а издание планируется выпустить очень быстро, ровно к годовщине смерти Чехова). Наверное, Чехова порадовало бы такое совпадение: помочь в обеспечении нашей работы захотели строители, и нашим единомышленником стал Инвестиционно-строительный холдинг «Губернский город и Ко» во главе с его президентом В. В. Соловьевым. На моей памяти — это первый подобный случай быстрого и конкретного отклика на идею сотрудничества с учеными и педагогами со стороны успешных предпринимателей.

Были на конференции и другие источники удивления. Удивило — приятно — желание крупнейшего в России образовательного портала провести вместе с нами интернет-конференцию, куда уже «сыплются» виртуальные доклады. Удивило — на этот раз неприятно, особенно приезжих, — что в Ярославле не представлена театральная чеховиана. Это тем более странно, что уже во всем мире чеховский «бум» длится не порывный месяц, и, скажем, в

Канаде, как и в Москве, идут новые постановки «Трех сестер» и «Черного монаха», а в Южной Корее только что поставлена «Чайка».

Мы пытались избежать позиции чеховского профессора из «Записных книжек», считавшего, что «не Шекспир главное, а примечания к нему». Многие участники конференции пытались услышать Чехова и услышать друг друга, в отличие от чеховских персонажей, жаждавших понимания и сочувствия, но не умевших дать все это ни ближним, ни дальним.

...Один из персонажей чеховской «Чайки» предлагал другому сюжет о человеке, «который хотел» — «L'homme, qui a voulu». Да и кто из чеховских персонажей не хотел — любви, признания, здоровья, понимания, богатства, покоя и воли... Все хотели! И больше всех этого хотел сам Антон Павлович.

Живя в том странном месте, которое называлось Россией, постоянно хотел оказаться подальше от нее, но и Ницца напоминала ему ярмарочную Ялту, и по дороге на далекий Восток он особо отмечал диковатую русскую пищу. А в том странном времени, которое оказалось не только рубежом веков, но и рубежом эпох, хотел хотя бы мысленно оказаться во времени ином — ну, не сам, так его персонажи.

Чеховские персонажи хотели, чтобы жизнь, смешная и нелепая, была лучше — пусть не сейчас, когда-нибудь, через сто, двести, триста лет, чтобы Россия перестала быть страной людей, которые, как говорит Лопухин, «существуют неизвестно для чего». По сей день в чеховском мировидении удивляют парадоксы, не исчезнувшие и из нашей жизни: мечтать о прекрасном будущем и не уметь жить в настоящем, испытывать то, что современный нам поэт назвал «ностальгией по-настоящему» и безрадостно это настоящее проживать — как это по-русски и как это абсурдно. И потому каждому или многим из нас адресованы послания, под которыми стоит простая подпись: «Ваш А. Чехов».

Татьяна ЗЛОТНИКОВА,
доктор искусствоведения.